

Handwritten signatures in Cyrillic script, including names like B. Shumakov, M. Yusev, and others.

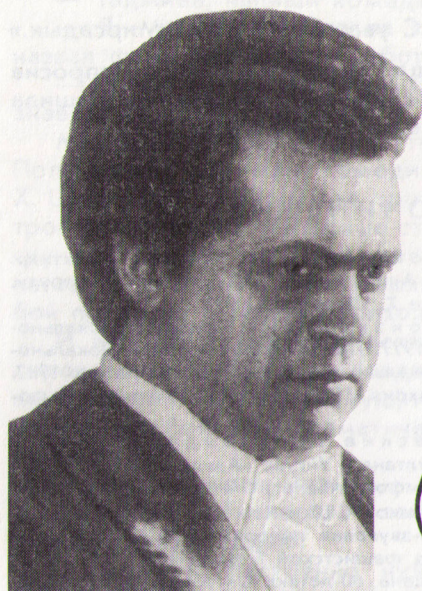
**Р.Петрушанская
СОВЕТСКИЕ
КОМПОЗИТОРЫ-
ЛАУРЕАТЫ
ПРЕМИИ
ЛЕНИНСКОГО
КОМСОМОЛА**

СОВЕТСКИЕ КОМПОЗИТОРЫ-ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

**Р.Петрушанская
СОВЕТСКИЕ
КОМПОЗИТОРЫ-
ЛАУРЕАТЫ
ПРЕМИИ
ЛЕНИНСКОГО
КОМСОМОЛА**

Handwritten signatures in Cyrillic script, including names like A. Kupchikov, B. Shumakov, M. Yusev, and others.

КОМПОЗИТОР. ДИРИЖЕР. ЛИЧНОСТЬ

За кантату «Песнь-баллада
о строителях БАМа» и музыку
к кинофильму
«Они сражались за Родину»
композитору ОВЧИННИКОВУ
Вячеславу Александровичу
(г. Москва) присуждена премия
Ленинского комсомола 1977 года.

Имя Вячеслава Овчинникова я знала давно — со времен Второго международного конкурса им. Чайковского, кинофильма «Война и мир». Тогда об Овчинникове много говорили в среде музыкантов как о композиторе самобытного дарования, ярком таланте. Но познакомиться не пришлось. И вот мы встретились, беседуем.

Дом, в котором живет Овчинников, — у самого истока шумного Ленинградского проспекта, рядом с Белорусским вокзалом. Но окна выходят во двор, и в квартире — непривычная для этих мест тишина. В эти июльские дни в Москве проходит XII всемирный фестиваль молодежи и студентов. Однако на сей раз, не в пример первому Московскому фестивалю 1957 года, на улицах, в центре по крайней мере, спокойно и пусто, весь фестиваль «водворот» — на стадионах, в Парке культуры и отдыха им. Горького, и лишь транспаранты, вереницы автобусов с выглядывающими молодыми лицами да яркие калейдоскопы телевизионных передач утверждают: в городе событие огромной важности! Фестиваль и праздник, и веселье, и большой разговор молодежи о мире.

В рабочем кабинете Вячеслава Александровича Овчинникова аскетически пусто: рояль, два письменных стола. И всюду, даже на кресле, стульях, — папки с партитурами, голосами, ноты начатых и вновь переделываемых работ. По радио в эти дни часто передают новую запись — симфоническую поэму «Фестиваль».

— Она написана к Первому московскому фестивалю 1957 года. Но, как видите, не стареет, звучит и сегодня.

Мы говорим о многом. О музыке, прошлой и XX века, об истории и ее героях. И, разумеется, о музыке самого Овчинникова, заботах нынешнего дня, планах на будущее, о его позиции в искусстве. Но, конечно же, о том, что волнует композитора сегодня более всего, — недавно законченной и готовящейся к исполнению оратории «Сéргий Радо́нежский». Личность этого человека, монаха, проповедника, содействовавшего объединению русских сил, вдохновившего Дмитрия Донского на ратный подвиг против захватчиков — мамаевых полчищ, долго, почти 30 лет владела мыслями композитора: над ораторией с перерывами он работал с 1957 года!

— Сергей Радонежский — одна из крупнейших фигур русского средневековья, — говорит Овчинников, — духовный вождь и мудрый политик. Но главное в нем — его миротворческая миссия. Он хотел мира и покоя русской земле.

— Но ведь он сказал Дмитрию: «Иди против них, и ты победиши».

— Да, но это уже было в третий приход в нему князя. До того он требовал повременить. А уж когда понял, что князь и его войско готовы к победе, тогда и сказал: «Безо всякого сомнения, с дерзновением пойдешь против свирепства их».

Наша беседа, уже не первая, несколько сумбузна. Стараясь узнать побольше, а главное разобраться в этом человеке, я перехожу с вопроса на вопрос, и мы невольно обращаемся в прошлое. «Земную жизнь пройдя до половины...» Да, пожалуй, более половины: ведь Овчинникову 29 мая 1986 года исполнилось пятьдесят. За плечами — большой путь творческой и исполнительской работы. Он не только композитор, но и активно концертирующий дирижер. Может быть, пора подводить некоторые итоги? Однако композитор и не помышляет об этом, он весь в сегодняшних и завтрашних проблемах творчества.

Мы вспоминаем о Втором международном конкурсе им. Чайковского, где была исполнена превосходная фортепианная пьеса Овчинникова «Хор, прелюдия и fuga». Она стала подлинным открытием конкурса. На молодого композитора обратили внимание не только музыканты, уже знавшие его по впечатляющей Первой симфонии, но и любители музыки. Эту пьесу очень многие пианисты стали включать в программы своих концертов. Вспоминали мы и Третий международный конкурс им. Чайковского 1966 года, на котором в качестве обязательной пьесы 2-го тура скрипачей исполнялась Соната Овчинникова для скрипки и фортепиано; она пленяла слушателей свежестью интонаций и яркой виртуозностью. Пьесы композитора «Балладу» и «Напев» играл прославленный Давид

Ойстрах, «Японскую поэму» — молодая японская скрипачка Ёкко Сато. Тогда имя Вячеслава часто звучало в разговорах артистов и публики, особенно если речь заходила о кинофильме «Война и мир».

Взлет Овчинникова был стремительным и ярким. Дирижер Иван Шпиллер, соученик Овчинникова по музыкальному училищу и консерватории, вспоминал впоследствии, что в 1960 году, когда он (Шпиллер) учился в дирижерском классе замечательного советского музыканта Александра Васильевича Гаука, профессор, придя однажды на урок, долго не мог начать занятий. Он находился под сильным впечатлением от Первой симфонии молодого композитора Вячеслава Овчинникова. Эту симфонию он репетировал с возглавляемым им тогда Большим симфоническим оркестром Всесоюзного радио. «Гаук, — рассказывает Шпиллер, — поражался не только тонкости и совершенству оркестрового мастерства, но и той уверенности, с которой, казалось бы, неопытный композитор отвергал предложения дирижера переделать некоторые детали в инструментовке. Первая же репетиция убедила его в правоте автора. Звучало, и звучало восхитительно!» (Сов. культура, 1975, 29 июля).

Первая симфония (одночастная, для большого симфонического оркестра), вскоре исполненная, произвела на слушателей сильное впечатление. В советскую музыку входил художник самобытный, со своим видением мира, ярким мелодическим дарованием, широтой оркестрового мышления. И со своими твердыми убеждениями, которые отстаивал непримиримо, подчас резко. А затем его имя появилось в титрах четырехсерийной киноэпопеи «Война и мир». И тогда об Овчинникове заговорили не только в среде музыкантов, но и в широкой аудитории зрителей фильма. Мнения расходились, мнения сталкивались, но в незаурядности дарования автора музыки сомневаться не приходилось.

То было время многих открытий в искусстве. Время поэтического бума, неожиданных решений в живописи, поисков и экспериментов в музыкальном искусстве. Время чередования поколений, когда рядом с мастерами 40-х и 50-х послевоенных лет поднялась новая формация молодых художников, громко заявивших о себе с трибуны Политехнического музея, молодежных выставок, концертных эстрад. Тогда выступили со своими стихами — Е. Евтушенко, Б. Ахмадулина, А. Вознесенский, со своими опусами А. Шнитке, Э. Денисов, С. Губайдулина. Время смелых идей, открытого трибунного слова, освоения новой техники, необычных средств выразительности, увлечения теорией Шёнберга, различными направлениями музыкального авангарда.

Однако Первая симфония Овчинникова и его музыка к фильму «Война и мир» лежали в иной плоскости — они как бы решительно и даже полемически противостояли этим поискам, спорили с новой эстетической программой. Тут была какая-то своя, кажущаяся на первый взгляд консервативной, позиция...

Вячеслав Александрович Овчинников родился 29 мая 1936 года в Воронеже в семье офицера Советской Армии. Родители не были

музыкантами, однако музыку любили и глубоко уважали. Дед Вячеслава, известный в городе мастер по дереву, был еще и музыкантом-самоучкой. Помнит Слава, как он после рабочего дня устраивал дома «концерты»: играл попеременно на гитаре и балалайке. В доме еще был патефон. В свободные вечерние часы мать ставила на диск большую пластинку — на этикетке ее сидела на задних лапах белая собака, уставившись в раструб граммофона. Лились мощные и печальные звуки. Это была Шестая симфония Чайковского. Слова «симфония» и «Чайковский» Слава знал лет с трех. И знал, что пластинка эта — бесценная реликвия их дома.

Как водится у военных, семья Овчинниковых была кочевой. Когда Славе было девять лет, отца перевели служить на Дальний Восток. Дорога была, словно длинная песня с короткими паузами: целыми днями тянулись бесконечные поля, перелески, леса и внезапно возникали то маленькая дощатая станция, то кирпичное здание вокзала и толпы людей, бравшие приступом вагонные двери. Шла война...

В городе Николаевске-на-Амуре, где жили теперь Овчинниковы, не было ни театра, ни оркестра. Мальчишки-школьники бегали в кино, смотрели одни и те же старые, довоенные фильмы. Среди них оказалось чудо — «Большой вальс» — целое море захватывающей музыки!

По возвращении в Воронеж Вячеслав поступил в музыкальную школу в класс скрипки. Это были первые послевоенные годы. В помещении — нестерпимый холод. За хорошие успехи ученикам выдавали награду: булочку, посыпанную сахаром.

Концертная жизнь города оживала. В Воронеж приезжали теперь известные артисты из Москвы и Ленинграда, выступали с концертами Давид Ойстрах, Эмиль Гилельс. Их старались пригласить в музыкальную школу, показать успехи учащихся. В школе преподавали отличные педагоги-москвичи: Виктор Петрович Бобровский, Володарь Петрович Бронин, ученик, а в будущем ассистент Д. Ф. Ойстраха. У него-то в классе и занимался Слава Овчинников, и педагог прочил ему будущее скрипача-солиста. А у него уже было написано много собственных пьес, их исполняли и в школьных, и в филармонических концертах.

Встреча с Брониным решила его судьбу. Пятнадцатилетний Слава Овчинников едет в Москву, поступает в музыкальное училище при Московской консерватории, его обуревают жажда нового, необузданное стремление достичь высот. В чем? Разумеется в композиции — вот тот магнит, который тянет неудержимо. И он решил оставить класс скрипки. Педсовет училища, прослушав сочинения Овчинникова, единогласно решает: перевести на теоретико-композиторское отделение!

Его педагогом по композиции стал прекрасный музыкант и человек Евгений Осипович Месснер. Именно тогда, в училище проявились главные черты Овчинникова-музыканта: яркая одаренность, феноменальный слух и память, отличное гармоническое мышление. И черты характера — твердость в отстаивании своих, может быть,

не всегда верных взглядов, непримиримый, резкий, даже в чем-то неуживчивый характер. В 1955 году он держит экзамен в Московскую консерваторию. В качестве «визитной карточки» представляет Симфонию для струнного оркестра (позже он переработает ее и назовет «Второй»). Поступает в класс замечательного музыканта, профессора Семена Семеновича Богатырева.

— Он не был учителем в общепринятом смысле. Он умел, не рана самолюбия, выводить из естественных заблуждений в период становления. Богатырев не оставлял без внимания главного — направленность творчества, эстетический фундамент, на котором базируется будущий самостоятельный художник, — вспоминает Овчинников.

Человек широкой эрудиции, светлого ума, он казался порой суровым и холодноватым. Но, как истинный русский интеллигент, обладал огромным чувством справедливости и отзывчивым сердцем. Ученик Н. А. Римского-Корсакова, Богатырев разглядел тягу студента Овчинникова к русской и европейской классике, к традициям Глинки, Чайковского, Танеева и всячески ее поощрял.

О каких же «естественных заблуждениях» вспоминает бывший студент Богатырева Овчинников? Путь, который он проходил от первых лет обучения в училище до последнего курса консерватории, — становление композиторских и человеческих принципов — был непростым. Первые композиторские опыты протекали в русле традиционной русской классической музыки: влияние Чайковского, Рахманинова сказывалось на всех юношеских опусах. Тогда Вячеслав Овчинников не понимал и не принимал новой музыки XX века, не признавал даже самых очевидных ее достижений.

Но... в конце первого курса консерватории Овчинников, по собственному признанию, круто повернул «влево» — стал додекафонистом! Что тут сыграло главную роль? Желание не отстать от остальных, идти в ногу со временем, общее увлечение консерваторской молодежи новыми средствами, атональной, серийной техникой, и шире — всем учением о «разрушении тональности» А. Шёнберга, опытами А. Веберна и А. Берга?

— В общежитии я тогда спал с партитурой «Воццека»¹ под подушкой, — вспоминает Овчинников.

Писал квартеты, фортепианные пьесы, густо насыщая их серийными периодами, применяя жесткие, атональные звучания в далеких регистрах, диссонансные аккорды. Увлекался джазовой музыкой, видя в ней множество чисто импровизационных возможностей.

Богатырев лишь выжидал снисходительно. Чувствовал: природа дарования Овчинникова лежит в иной плоскости, корни, связывающие его с классической русской и европейской музыкой, с тональной системой — глубоки и прочны.

А студент искал, мучился... В те годы он много, запоем читал, открывая для себя попеременно то Шопенгауэра, то Ницше. Штудировал работы Вагнера «Опера и драма», «Искусство и револю-

¹ «Воццека» — опера А. Берга.

ция», читал письма, дневники, разбираясь в сути его оперной реформы. Он стал увлекаться русской историей, русскими философами, перечитывал уже новыми глазами романы Толстого и Достоевского, особенно вдумываясь в те страницы, где утверждались идейные и эстетические принципы великих художников.

Овчинников продолжал работать над новой одночастной Симфонией для большого состава. Позже он назовет ее Первой — и не случайно. Эта симфония как бы ознаменовала новый этап в его творчестве.

— Традиционные, установленные веками музыкальные закономерности — тональный план, контрапункт — возымели надо мной прежнюю власть. Я, если можно так выразиться, вернулся к истокам, русской и европейской классике. Поначалу было тревожно, я даже считал свою Первую симфонию отступлением, чуть ли не ретроградством, но в глубине души чувствовал: это верный путь. В кино-музыке, которую я тогда начал писать, еще применял приемы алеаторики, например, в «Ивановом детстве», частично в «Воине и мире». Но выбор уже был сделан — и навсегда.

Первая симфония ми-бемоль минор открывается медленным, мрачным вступлением-шестьем оркестра, сразу определяющим всю атмосферу сочинения: мрачно-трагическую (возникают ассоциации с «Франческой да Римини» Чайковского — дорога в ад). Медленно созревает зерно главной темы — грозной, маршеобразной. Ровное нагнетание динамического начала сопровождается взрывами, ударами литавр, всполохами, вскриками в оркестре. Короткий лирический эпизод (с арфой) прерывается новым «знаком судьбы» (литавры). Средняя часть симфонии — острое скерцо танцевального характера, но танец этот — не веселый, праздничный, скорее *danse macabre*¹, хотя его дважды прерывают нежные лирические островки (струнные и арфа), и снова — неудержимый стремительный бег. Куда? В какие пропасти земли, в какие бездны духа? За этим «бегом» наступает все же некоторое успокоение страстей, мрачная образность сменяется просветлением и торжественным финалом, словно солнце, долго пробиваясь сквозь плотные тучи, с усилием разорвало их и осветило землю.

Симфонию горячо приняли не только слушатели, но и музыканты, многие видели в ней залог будущего расцвета молодого дарования. Действительно, вскоре можно было услышать его сюиты. На протяжении почти пятнадцати лет Вячеслав Овчинников неоднократно обращался к этому популярному жанру. Так, с 1956 по 1972 год он создал шесть симфонических сюит. Почти все они обращены к миру детства и юности. В них проявился яркий мелодизм, радостное, оптимистичное, первозданное восприятие мира. Сюиты по большей части монотематичны, они пронизаны одной доброй идеей: мир необъятен, прекрасен и непостижим! Первая сюита — праздник лета, солнца, природы, пышной и цветущей. В остальных раскрывается многообразный и романтический мир ребенка и под-

¹ *Danse macabre* — пляска смерти.

ростка, его горести, обиды, веселье. Овчинников как бы продолжает традиции детской музыки Шумана, Чайковского. В названиях пьес, естественно, встречаются — Марш, Жалоба, Шутка, Прыгалки, Аквариум, Грустный вальс. Отличают эти сюиты сложность и яркость инструментовки (в третьей введен электроорган), богатая фактура, жанровое разнообразие, раскрывающее огромный и сложный мир души маленького человека, но именно современного!

Киноэпопея «Война и мир». Встреча с прозой Толстого, его могучим гением, его пониманием истории, сущности и первопричин человеческих поступков была для композитора событием огромной важности. И еще одна важная встреча — с режиссером Сергеем Бондарчуком.

В четырехсерийную эпопею Бондарчука «Война и мир» музыка Овчинникова вошла важнейшим и органичным компонентом, без нее не было бы создано той атмосферы века, его событий, точных характеристик героев, общего героико-патриотического, лирического и глубоко народного строя картины. Овчинников работал над музыкой фильма с полной самоотдачей. Один за другими рождались номера-эпизоды: торжественный полонез, нежно-мятенный, чистый, задумчивый вальс Наташи, мощные хоры, громогласный «виват» в честь победы русского оружия, напряженная сцена боя под Шенграбеном, медлительные бальные танцы и веселый русский перепляс.

К концу 60-х годов Овчинников, помимо киномузыки, был уже автором трех симфоний, пяти оркестровых сюит, пьесы «Памяти Равеля», увертюры «Русский праздник» и «Фестиваль», целого ряда камерных и хоровых сочинений, романтического Вальса-поэмы, где драматическая напряженность и лирическая возвышенность соединяются в романтическом полетном вихре (этот вальс композитор, по его признанию, посвятил самому дорогому человеку на свете — матери). Вальс-поэма продолжает традиции прекрасных русских симфонических вальсов: Вальса-фантазии Глинки, вальсов из симфоний Чайковского. Было очевидно, что при всем жанровом разнообразии, наиболее впечатляюще композитор проявляет себя в крупной форме, преимущественно симфонической, мыслит масштабно, широко. Симфония и оратория стали основными направлениями его творчества.

1973 год. Колонный зал Дома союзов. Здесь в торжественной обстановке проходит вечер, посвященный 100-летию со дня рождения Сергея Васильевича Рахманинова. В переполненном зале — музыканты, актеры, ученые, космонавты. Среди гостей — приехавшие из-за рубежа потомки композитора. В концерте исполняется «Элегия памяти Рахманинова» композитора Овчинникова. За пультом — дирижер Овчинников. Успех был полным. Зал восторженно аплодировал автору и дирижеру. С этого дня началась интенсивная исполнительская деятельность Овчинникова-дирижера.

Дирижированием Овчинников «заболел» давно. Окончив консерваторию в 1961 году, он совершенствовался как композитор в аспирантуре у Т. Н. Хренникова и одновременно посещал класс извест-

ного педагога, наставника многих дирижеров профессора Лео Морицевича Гинзбурга. Занимался у него два года.

Во время работы над фильмом «Война и мир» Бондарчук предложил Овчинникову самому продирижировать БСО радио и оркестром Московской филармонии при озвучивании четырех серий фильма. Так еще в середине 60-х (последняя серия фильма вышла в 1967 году) Вячеслав Овчинников стал пробовать силы в профессии, ставшей для него впоследствии не менее дорогой, чем композиция, — дирижировании. Но на симфоническую эстраду он рискнул выйти лишь в 1973 году.

— Это была как бы «десятилетняя репетиция с оркестром», говорит он.

С 1973 года Овчинников-дирижер начал интенсивно выступать во многих городах нашей страны. Его репертуар рос от концерта к концерту. Кроме собственных сочинений, он исполнял произведения Баха, Бетховена, Вагнера, Брамса, Глинки, Дворжака, Сибелиуса, Рахманинова, Рихарда Штрауса, Чайковского. Начались записи на пластинки: советской фирмой «Мелодия», американскими «Каламбия» и «Capital», японскими «Тосиба» и «Victor», немецкой (ФРГ) «Ariola».

«Если большой композитор серьезно занимается исполнительской деятельностью — писала газета «Руде право» о концертах Овчинникова в Праге — он достигает значительно большего, чем только интерпретатор. Эти слова Г. Нейгауза в особенной степени относятся к В. Овчинникову».

— Овчинников, несомненно, один из талантливейших советских композиторов. Но и как дирижер он проявил себя ярко и убедительно. Его концерты, когда он дирижирует, привлекают внимание любителей музыкального искусства, залы на его концертах полны, у него такой дирижерский, исполнительский темперамент, который захватывает аудиторию, — говорит Тихон Николаевич Хренников.

В дирижерском облике Овчинникова отчетливо проявлялись черты его личности, характера — стихийность, эмоциональность, волевой характер.

Большим событием для Овчинникова стало исполнение любимой им с детства Шестой симфонии Чайковского.

«В этот вечер я сделал для себя открытие в музыке, которую до сих пор, казалось бы, хорошо знал, — писал Сергей Бондарчук, — в каждом такте ощутима энергия, не искажающая классику, а лишь усиливающая заключенный в ней духовный потенциал» (Смена, 1975 № 13).

В течение двух лет в Японии сделано несколько записей произведений Бетховена и Чайковского (дирижер В. Овчинников). В связи с выходом пластинок японская критика писала: «Взошла новая звезда — Вячеслав Овчинников. Исполнение демонстрирует неукротимую жизненную мощь его таланта, которая не может оставить равнодушным слушателя. Это, как взрыв энергии, ошеломляющий шквал музыки. Ощущаешь лишь величие — без мелочей...

Мощь, жизненность, одухотворенность — это хочется отметить особо. Оркестр звучит с глубинной затаенной силой. У Овчинникова — выдающийся талант управлять оркестром, он удивительно тонко чувствует каждый инструмент. Слушатели, внимающие оркестру под управлением Овчинникова, получают истинное наслаждение!..»

Восторженность критики, может быть, слегка преувеличенная, все же имела основания: Овчинников, действительно яркий, темпераментный, талантливый дирижер.

В начале семидесятых годов в Болгарии был организован болгаро-советский клуб творческой интеллигенции. На одно из заседаний был приглашен член этого клуба Вячеслав Овчинников. Он выступил в дискуссии, посвященной эстетическому воспитанию молодежи, с развернутой речью. А вскоре изложил свои мысли в статье «Размышления об искусстве», помещенной в советско-болгарском журнале «Дружба» (издается совместно издательствами «Молодая гвардия» и «Народна младеж»). О чем эти размышления? О личности художника. О национальном характере искусства как главном условии всякого творчества. О традициях. О простоте и сложности музыкального языка.

«Тот, кто позволил себе сегодня заговорить с помощью простых (не примитивных) средств, становится на «путь дерзаний», ибо сложное становится на пути простого, сложное стало модой. Никакая смелость, дерзость, изобретательность не помогут человеку, духовно бедному, выйти за пределы заурядности. Бедой нашего времени стало постоянное стремление к «новаторству»... перенесение с вопроса «что» на вопрос «как?».

Это был спор с авангардистскими направлениями в музыке, отрывом от национальных корней. Идеи, выдвинутые Вячеславом Овчинниковым в ту далекую теперь пору, остались для него незабываемыми.

Недавно в одном из концертов мне довелось услышать Вторую симфонию Вячеслава Овчинникова для струнного оркестра. Судьба этой симфонии, как, впрочем, многих сочинений этого автора, примечательна. Овчинников часто возвращается к старым сочинениям, переделывает их, а бывает — и вовсе уничтожает. Так исчезли из списка сочинений Югославская сюита, концерт для оркестра «Русские песни», Концерт для скрипки и оркестра. Это — признак строжайшей самокритичности автора.

Вторая симфония ми-бемоль минор в первом варианте была написана в 1955 году, еще до поступления в консерваторию (вторая редакция — 1972—73 гг.). Теперь она стала репертуарной — ее включают в программы дирижеры, она звучит по радио, да и сам Овчинников, кажется, вполне доволен своим созданием.

Симфония трехчастна. Первая тема — плач — вырастает в широкий драматический распев оркестра. Сумрачный колорит и напряженность второй части (Scherzo Allegretto) как бы переносят нас в современный мир в «его минуты роковые». Медлительная «поступь» струнных переходит в стремительный «бег», острая

скерцозность этой музыки тревожна, мучительна... Финал — важно-торжественный, широко-распевный, но и здесь явственны отзвуки драматических коллизий 1-й части, трагические нотки. Разрешения в финале так и не наступает — в конце его как бы недоумение, вопрос...

Совсем иной «склад» в увертюре «Русский праздник». Здесь раздолье, разгул веселья, шум и гомон площадей, наигрыши народных инструментов сменяются короткой грустной русской песней — и снова безудержный общий пляс, хороводы, веселье. Темы песен и плясовой кажутся с детства знакомыми, а между тем — ни одной заимствованной мелодии! Все овчинниковские.

Россия, ее история, ее герои и зодчие — русская тема все глубже, настойчивее входила с каждым годом в его сочинения, стала главной, основополагающей в творчестве. Тема огромная, масштабная. Очень помогла ему утвердиться в этом направлении работа над фильмом «Андрей Рублев». Высвечивались главные вехи и эпизоды русской истории, характер народа, деяния великих его сыновей, тех, кто возглавлял исторический и культурный прогресс России.

«Героическое прошлое и величественные свершения наших дней, неповторимая, берущая за душу природа, русские люди, положившие жизнь на алтарь отечества, творившие и творящие его историю, непреходящие духовные ценности нации, партия, ведущая народ к светлой цели, — вот о чем его музыка»... (Певец России, Ленинская смена (Горький). 1978, 11 апр.).

В 1973 году Овчинников создает ораторию «Гимны Отечеству» (стихи Л. Васильевой). Яркие, лирические гимны — признание в сыновней любви к Родине, ее героическому прошлому и сегодняшнему дню. Восхищением подвигом первого космонавта, гордостью за народ — первооткрыватель космоса пронизана и поэма для хора и симфонического оркестра «Юрий Гагарин».

В 1975 году Овчинников пишет кантату «Песнь-баллада о строителях БАМа» для баса, хора и симфонического оркестра (стихи Л. Васильевой). Незадолго до этого Овчинникову довелось увидеть строительство этой дороги в самом начале, на западном ее участке (статья в газете «Сов. культура», 1974, 10 сент.). Вместе со строителями треста «Ангарстрой» проехал композитор по участку от Усть-Кута до села Казачинского к будущему (а теперь уже настоящему) поселку Магистральный. Композитор восхищался скромностью и мужеством строителей, их тягой к духовным ценностям, красоте. Как дорогую реликвию хранит Вячеслав Александрович фотографию, подаренную учетчицей Светланой Волгиной: иркутский отряд в главе с Василием Сердюком вступает на землю будущего Магистрального, у каждого — в одной руке чемодан, в другой — связка книг. А как восторженно слушали бамовцы музыку Глинки, Чайковского, Рахманинова!

Трехчастная кантата по своей драматургии приближается к сонатно-симфоническому циклу. Первая часть «Песнь строителей

БАМа» начинается с неторопливого развертывания действия: перед нами проходят картины могучей и бескрайней Сибири, еще не покоренной людьми. Песню-раздумье, которую ведет солист, поддерживает хор, и она переходит в марш гимнического характера:

Годы промчатся,
И по БАМу пройдут поезда...

Мощный разлив оркестра, напряженные ритмы придают концовке части активный, волевой характер. Вторая часть — это сегодняшний день БАМа. Тогда, в 75-м, композитор уже видел сквозь развалы лесов, морозы и дым костров новый путь, проложенный строителями. Хор и оркестр имитируют стремительное движение поездов. Часть озаглавлена «Поезда идут по БАМу». В третьей, заключительной, медлительно-медитативной, снова возникают картины родной природы, тема первой части проходит в медленном, задумчивом темпе. Это — воспоминание, раздумье о силе и героизме молодых строителей, их трудных победах. Она названа композитором «Вечная слава героям-строителям». Кантата едина по своему интонационному строю, она монотематична, что придает сочинению единство и цельность, характер романтически-взволнованный и мощный.

Героическая тема народного подвига выражена композитором и в музыке к кинофильму «Они сражались за родину» (режиссер С. Бондарчук.) Музыка усиливает драматическое содержание ленты, она — ее необходимый выразительный компонент. Не раз в авторских концертах Овчинникова исполнялся оркестрово-хоровой фрагмент «Вечная память» — мужественный, скорбный реквием погибшим в боях за Отчизну.

За «Песнь-балладу о строителях БАМа» и музыку к кинофильму «Они сражались за Родину» композитор Овчинников в 1977 году был удостоен звания лауреата премии Ленинского комсомола.

Но не только за эту музыку была присуждена высокая премия. Овчинников не мог и не может оставаться в стороне от событий дня. Он — член культурной комиссии Советского Комитета защиты мира, член совета советско-болгарского Клуба творческой интеллигенции, член Президиума Центрального правления советско-кубинского общества дружбы, член жюри ряда конкурсов дирижеров, в том числе имени Вацлава Талиха в Праге, член Общества солидарности с чилийской демократией.

С авторскими и дирижерскими концертами он побывал в Чехословакии, Югославии, Монголии, Мексике и других странах. В Югославии два года провел в работе над фильмом «Битва на Неретве». Советский комитет защиты мира вручил ему медаль «Борцу за мир», английское общество международных премий наградило золотой медалью. Но самые дорогие награды вручила Родина — Орден Трудового Красного Знамени и две премии: Московского и Всесоюзного Ленинского комсомола. В 1986 году за большие заслуги

в области музыкального искусства Вячеслав Александрович Овчинников удостоен звания народного артиста РСФСР.

Весной 1986 года в авторском концерте в Большом зале Московской консерватории Овчинников представил свое новое масштабное сочинение — Четвертую симфонию. В это время он работал, снова с Бондарчуком, над музыкой к фильму «Борис Годунов». Четвертая симфония — результат обращения композитора к великой пушкинской трагедии. Подзаголовок симфонии — «По прочтении драмы А. С. Пушкина «Борис Годунов».

«Перед нами предстает музыкальная фреска, яркая и полнозвучная, лирическая и эпическая одновременно, полная борения страстей и сильных характеров. В ней как бы сливаются воедино история и судьба отдельного человека. Трагедия живет в ней рядом с надеждой, боль с радостью, а звонкая песнь колоколов перекликается с траурными аккордами. В пушкинской исторической драме композитор нашел все то, что отвечало его идейным творческим устремлениям, — глубокою народность образов, реалистически масштабную обрисовку эпохи, мощный драматизм характеров и столкновений. И живую душу «человеческую» с ее вечным тяготением к добру» (Г. Заостровцев // Сов. культура., 1986, 3 июня).

На письменном столе и на рояле Вячеслава Александровича несколько работ. Он одновременно правит партитуру и голоса одного сочинения, редактирует переиздание другого. Завершена работа над монументальной ораторией «Сергий Радонежский», в стадии оркестровки опера об еще одном, милом сердцу герое — тонком и удивительно русском поэте Алексее Кольцове. Продолжается работа над оперой «Маскарад» по драме М. Лермонтова. Вышло из печати новое сочинение — Симфонический альбом для юношества. Закончено озвучивание новых фильмов: «Борис Годунов» на студии «Мосфильм»¹ (режиссер С. Бондарчук), «Багратион» (режиссер Г. Чохонелидзе) и «Певец России» (режиссер В. Панин).

Овчинников торопится. Предстоят гастроли по городам Советского Союза, за рубежом, фондовые записи. Только что вышла пластинка с записью Пятой симфонии Чайковского.

В наших беседах было немало интересного. Овчинников много читает, он постоянно в кругу современных философских, искусствоведческих, общественных проблем, мнение его о том или ином предмете, человеке, событии часто спорное, парадоксальное, но всегда свое, незаемное. Убеждения — тверды.

«Вячеслав Овчинников, — писал о нем в свое время Георгий Свиридов, — один из тех немногих композиторов, которые имеют свою собственную интонацию. Это русский композитор, музыка его очень русская не только по темам, о которых он пишет, но и по интонационному строю своему. Но он не останавливается на этой традиции, он продолжает ее дальше».

¹ Фильм вышел на экран в 1986 году.

ОСНОВНЫЕ СОЧИНЕНИЯ

Музыкально-сценические произведения: На заре туманной юности. Опера (лирическая драма) в 2-х актах. Либретто автора и Л. Васильевой. 1970—1982. Песнь песней. Балет. По рассказу А. Куприна «Суламифь». 1988. Война и мир. Балет. По одноименному роману Л. Н. Толстого.

Симфонические произведения: Первая симфония. Одночастная. 1956—1957. Альбом для детей и юношества. Шесть симфонических сюит. 1955—1972. Пьеса памяти М. Равеля. 1956. Вторая симфония (для струнных) в 3-х частях. 1955. Вторая редакция. 1972—1973. Фестиваль. Симфоническая поэма. 1957. Ярмарка. Симфоническая картина. 1957. Русский праздник. Увертюра. 1960. Третья симфония в 4-х частях. 1964—1982. Сюита к киноэпопее «Война и мир». 1967. Вальс-поэма. 1969. Траурная музыка. 1972. Четвертая симфония. По прочтении «Бориса Годунова». 1986. Концерт для виолончели с оркестром. 1989.

Кантатно-ораториальные произведения: Осеннее. Баллада для смешанного хора и оркестрового ансамбля. Стихи Вл. Фирсова. 1958. Сергей Радонежский. Оратория для хора, симфонического оркестра и солистов. 1958—1978—1985. Элегия памяти С. В. Рахманинова. Для сопрано, хора и оркестра. 1973. Песнь-баллада о строителях БАМа для баса, хора и оркестра. Стихи Л. Васильевой. 1974—1975. Юрий Гагарин. Героическая поэма для хора и симфонического оркестра. 1974. Времена года. Оратория для хора, солистов и симфонического оркестра. 1982. Произведения для хора *a cappella*: Маленькая баллада. Стихи Р. Бернса, перевод С. Маршака. 1955. Вокализ. 1955. Ветер принес издалека. Стихи А. Блока. 1955. Там неба осветленный край. Стихи А. Блока. 1973.

Камерно-инструментальные произведения: Баллада. Для скрипки и фортепиано. 1960. Первая сюита для фортепиано (хор, прелюдия и фуга). 1960. Ave Maria. Для ансамбля скрипок, двух арф (или одного рояля) и ансамбля виолончелей. (Вариант для голоса и того же состава). 1960. Вторая сюита для фортепиано. 1960. Японская поэма. Для скрипки и фортепиано. 1966. Соната для скрипки и фортепиано. 1966. Напев. Для скрипки и фортепиано. 1964. Метаморфозы. Соната для фортепиано памяти Г. Г. Нейгауза. 1970. Альбом для детей и юношества для фортепиано. 1985. Камерно-вокальные произведения: Вокальный цикл на слова древних японских поэтов. 1956—1959. Романсы на слова А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Кольцова, А. Майкова, И. Бунина, А. Блока, Г. Гейне. 1961.

Музыка к кинофильмам: Коток и скрипка. Мальчик и голубь. Иваново детство. Война и мир (4 серии), Андрей Рублев (2 серии). Первый учитель. Долгая счастливая жизнь. Как стать мужчиной. Земля. Арсенал. Звенигора. Это сладкое слово свобода (2 серии). Авария (2 серии). Дворянское гнездо. Пришел солдат с фронта. Они сражались за родину. (2 серии). Степь (2 серии). Багратион (2 серии). Певучая Россия (2 серии). Дорога к морю. Борис Годунов (2 серии). И другие. Всего ок. 40.

Аранжировки хоров С. В. Рахманинова для хора и симфонического оркестра. «Весенние воды». ор. 15. Аранжировка романса С. В. Рахманинова для восьмиголосного смешанного хора и большого симфонического оркестра. То же. Для симфонического оркестра. Обработки народных песен для хора и оркестра.